НИКА
ТУРБИНА

ЧЕРНОВИК

НИКА
ТУРБИНА

ЧЕРНОВИК

Первая книга стихов

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1984

84Р7
Т86

Т $\frac{4804000000-314}{078(02)-84}$ 237-85

© Издательство «Молодая гвардия», 1984 г.

ВОСЬМИЛЕТНИЙ ПОЭТ

Восьмилетнего поэта зовут Ника Турбина. Она родилась 17 декабря 1974 года в Ялте и по удивительному совпадению учится во втором классе той самой ялтинской школы, где когда-то училась гимназистка Марина Цветаева. Дедушка Ники — Анатолий Игнатьевич Никаноркин — поэт, автор нескольких книг стихов. Но мало ли кто еще учился в цветаевской школе и мало ли у кого дедушки — поэты? Я не случайно назвал Нику поэтом, а не поэтессой. С моей точки зрения, налицо редчайшее явление, а может быть, чудо: восьмилетний поэт. Один ребенок когда-то написал строки «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я», ставшие затем рефреном знаменитой песни. Но это были только строчки, где выразилась детская талантливость, а не талантливость поэтическая. Есть авторы строчек и есть поэты. Поэт — это то явление, когда строчки складываются в единое целое — в характер автора, в его образ. С нашей, взрослой, точки зрения, ребенок — это даже не стихотворение, а его начальная строчка. Может ли складываться в образ то, что еще только само складывается? Редко, но может. Больше всего примеров тому в музыке: вспомним хотя бы Моцарта. Итальянский дирижер Вилли Ферреро стал всемирно знаменитым еще до десяти лет. Правда, ни он, ни наш скрипач Буся Гольдштейн, концертировавший тоже в раннем детском возрасте, затем не стали, как ожидалось, гениями, оставшись крепкими профессионалами, что, впрочем, тоже немало. Но разве еще детьми они не подарили редкую радость чуда взрослым слушателям? Голос Робертино Лоретти с возрастом потерял свою дивную прелесть, но разве до сих пор его тоненький голос, поющий «Санта Лючия», не звучит в нашей благодарной памяти? Когда

встречаешься с редкой ранней талантливостью ребенка, не надо заранее ужасаться тому, что его можно избаловать, испортить излишним вниманием, опаснее вовремя не проявить этого внимания, Если оно необходимо взрослым, то почему его не проявлять и к детям? Надо признать, что такое внимание к Наде Рушевой при жизни все-таки несколько запоздало. Вовсе не от недоброжелательности, а от растерянности перед «недетскостью» ее рисунков. В нашей стране созданы невиданные условия для развития детской художественной культуры. Но иногда мы «заорганизовываем» это развитие, подходим к нему с заранее готовыми взрослыми схемами, начиная еще в яслях и детских садах пичкать детей довольно топорными лозунговыми стишками, написанными псевдодетским языком. Об этом справедливо несколько раз писала «Комсомольская правда». Мы почему-то стараемся искусственно развивать в детях детское и пугаемся, как некой странности, проявления в них взрослости. Между тем взрослость в детях есть явление, требующее самого бережного и тактичного невмешательства, соединенного с самой бережной и тактичной поддержкой. Нику Турбину открыла «Комсомолка», напечатав ее крупный цикл, а затем Центральное телевидение предоставило ей возможность читать стихи многомиллионной аудитории. Признаюсь, я пропустил ее публикацию и не видел ее на экране, но до меня со всех сторон стали доноситься разные отзывы, иногда восхищенные, иногда осторожные: «Как бы не заморочили голову бедной девочке, не превратили ее в вундеркинда...», а иногда и прямо-таки подозрительные: «Не может быть, что это она сама написала... Слишком не по-детски...» Цветаева еще гимназисткой написала строки:

Моим стихам, как драгоценным винам,
придет черед...

Но Цветаевой было тогда все-таки пятнадцать лет, а тут — восемь... На фоне сегодняшнего катастрофического постарения среднего возраста молодых поэтов, доходящего уже до сорока лет,. кажется почти невероятным, что Маяковский написал «Облако в штанах», будучи «красивым, двадцатидвухлетним...». И вдруг появ-

ляется поэт восьмилетний... Некий неожиданный прыжок, перекрывающий зияющую пустоту нескольких поколений... Может быть, оттого, что мы так заждались новых ярких имен, мы можем обмануться? Такой скептицизм был и у меня до того, как в переделкинском доме Пастернака этим летом я встретил Нику и попросил ее прочесть мне стихи. Уже сразу после первых строк, произнесенных ею, отпали все сомнения в том, что ее стихи — это плод литературной мистификации. Так могут читать только поэты. В голосе было ощущение особого, я сказал бы, выношенного звона. Позднее по моей просьбе мама Ники дала мне все ею написанное, и я понял, что передо мной не просто отдельные стихи, а книга, ибо все вместе составилось, соединилось в образ личности, В стихах я нашел и немало слабостей, но ни в коем случае не хотел навязывать Нике свои поправки — мне бы хотелось, чтобы она сама их внесла. Ника защищала свои стихи с достоинством маленькой королевы, чувствующей на своем лбу тяжесть нелегкой железной короны. Так, например, не удалось ее убедить, что крапива с ударением на последнем слоге — это ошибка. Я предлагал поставить «трын-трава». Ника упорствовала: «Я слышала, что крестьяне говорят — крапива», Ника знает себе цену. Но я ни разу не почувствовал, что это зазнайство избалованной девчонки, а лишь естественная нелегкость раздумий над своим нелегким трудом. Когда Ника соглашалась с чем-то, то это ей давалось трудно, как нравственно и должно быть — только после внутреннего переосмысления. У нее еще нет профессиональных навыков, но уже есть профессиональное уважение к писательскому труду. Книга эта отредактирована только с ее участием. Заканчивая работу над кинофильмом «Детский сад» о сорок первом годе, таком далеком от жизненного опыта Ники, я пригласил Нику сняться в образе девочки того времени, написавшей стихи после бомбежки. Ника, к сожалению, была больна и сняться не смогла. Но когда я ей прислал сценарий, она написала прекрасные стихи «Сорок первый год», всей своей детской и недетской душой перенесясь в то кровавое, страшное время и задав истории кричаще раненый вопрос:

Почему вы, люди,
Хуже зверей,
Убиваете даже малых детей?

Ника с поразительной остротой ощущает тему человеческих потерь — будь то потеря дружбы или потеря надежды. Всем своим рано повзрослевшим детским сердцем она ненавидит войну, как ничем не оправдываемую потерю миллионов человеческих жизней, миллионов детств.

Давайте молча говорить
О том,
Как детство не убить.

Голос ребенка, взявшего перо в руки, вливается в хор стольких слышимых и неслышимых голосов, взрослых и детских, — в хор, который не хочет стать реквиемным над погибшей землей.

Книга Ники Турбиной — уникальное явление не только потому, что ее автор — восьмилетняя девочка. Эта книга наводит на мысль о том, что дети вообще гораздо взрослее воспринимают мир, чем нам кажется. Но не все дети это умеют высказывать, а Ника умеет. В этой книге много чисто личного, дневникового, но над многими трагическими интонациями книги стоит задуматься, ибо, вероятно, и другие дети носят в себе острое чувство современности, обжигающее чувство чьей-то лжи, пошлости, щемящее чувство тревоги за нашу общую планету. Поэтический дневник Ники благодаря его незащищенной искренности становится дневником других детей, стихов не пишущих. Станет ли Ника в будущем профессиональным поэтом? Кто знает...

Сама она ответила на это серьезно и осторожно:

— Я не знаю. Как покажет моя судьба... Но, по-моему, это не главное.

— А что для тебя самое главное?

Ника задумалась;

— Самое главное — правда... Я начала сочинять стихи вслух, когда мне было три года... Била кулаками по клавишам рояля и

сочиняла... Стихи ко мне пришли как что-то невероятное, что приходит к человеку, а потом уходит... Но пока что это не уходит... Как сон, который не уходит... Когда пишу, у меня такое чувство, что человек может все, если только захочет захотеть... Так много слов внутри, что даже теряешься от них... Человек должен понимать, что его жизнь недолга. А если он будет ценить свою жизнь, то и жизнь его будет долгой, а заслужит — и вечной, даже после смерти...

Ответ Ники на вопрос — кто ее любимый поэт, признаться, меня поразил:

— Маяковский.

У меня невольно вырвалось:

— Но ты же на него совсем непохожа...

Ника ответила:

— А это неважно... Его стихи мне дают силы... Я могу идти дальше и дальше...

Название этой книги мы выбрали вместе с Никой по заглавию одного из стихотворений. Восьмилетний ребенок, в каком-то смысле это черновик человека. Но как в черновике рождаются, выплавляются формы поэтического мышления, так и в ребенке вылепляются черты будущей нравственной зрелости.

Я надеюсь, что взяв в руки эту тоненькую книжку и раскрыв ее, читатели войдут в сложный сокровенный мир не просто восьмилетнего ребенка, но и восьмилетнего поэта и еще раз задумаются о том, сколько духовных богатств заложено в наших детях, и о том, что эти богатства мы должны сохранить от угрозы их уничтожения, нависшей над головами детей всего мира.

* * *

На перроне, в нестертых следах Пастернака
оставляя свой след,
ты со мной на прощанье чуть-чуть постояла —
восьмилетний поэт.

Я никак не пойму — ну откуда возникла,
из какого дождя
ты, почти в пустоте сотворенная Ника,
взглядом дождь разведя?

Просто девочкой рано ты быть перестала,
извела себя всю.
Только на ноги встала и сразу восстала
против стольких «сю-сю».

Ты, как тайная маленькая королева.
Вы с короной срослись.
Все болезни, которыми переболела,
в лоб зубцами впились.

Я боюсь за тебя, что ты хрустнешь, что дрогнешь.
Страшно мне, что вот-вот
раскаленной короны невидимый обруч
твою челку сожжет.

Карандаш в твоих пальчиках тягостней жезла,
из железа — тетрадь.
Тебе нечего, если у ног твоих бездна,
кроме детства, терять.

Может, это спасение на беспоэтьи,
если, словно со скал,
прямо в пропасть поэзии прыгают дети,
заполняя провал?

Если взрослые пропасти этой боятся,
дети им отомстят.
Неужели Гомера нам выдвинут ясли
и Шекспира — детсад?

Дети — тайные взрослые. Это их гложет и мучит.
Дети тайные — мы.
Недостаточно взрослые мы, потому что
быть боимся детьми.

На перроне, в нестертых следах Пастернака
оставляя свой след,
ты вздохнула, как будто в себя простонала,
восьмилетний поэт.

Ночь из мрака рождала вдали электричку
со звездой и гудком.
Мама сунула мелочь тебе в рукавичку:
«Ну-ка, в кассу бегом!»

Ты рванулась вприпрыжку бежать по перрону,
но споткнулась, летя,
об уроненную на перроне корону,
вновь уже не дитя.

И в державном уме создавая указы,
в той короне опять:
«Мама, сколько билетов?» — спросила у кассы,
не спеша покупать.

И как будто вопрос «Мама, сколько поэтов?»,
с холодком королев
повторила ты вновь: «Мама, сколько билетов?» —
на меня поглядев.

Мать всплеснула руками: «Вот мука... Неужто
непонятно, что два?
Дядя Женя не едет... Скорее, Никушка!
Где твоя голова?!»

Где твоя голова? Среди этого мира
или в мире ином?
Но зубцами короны пробитые дыры
прожигают сквозь перрон.

А с подножки глаза призывают на поезд
в жизнь, где возраста нет.
До свидания! Прыгать в твой поезд мне поздно,
восьмилетний поэт.

ЕВГ. ЕВТУШЕНКО

* * *

Жизнь моя — черновик,
На котором все буквы —
Созвездья.
Сочтены наперед
Все ненастные дни.
Жизнь моя — черновик.
Все удачи мои, невезенья
Остаются на нем,
Как надорванный
Выстрелом крик.

1983

КТО Я?

Глазами чьими я смотрю на мир?
Друзей, родных, зверей, деревьев, птиц?
Губами чьими я ловлю росу
С листа, опавшего на мостовую?

Руками чьими обнимаю мир,
Который так беспомощен, непрочен?
Свой голос я теряю в голосах
Лесов, полей, дождей, метелей, ночи.

Но кто же я?
В чем мне искать себя?
Ответить как
Всем голосам природы?

1982

* * *

Я стою у черты,
Где кончается
Связь со вселенной.
Здесь разводят мосты
Ровно в полночь —
То время бессменно.

Я стою у черты —
Ну, шагни,
И окажешься сразу бессмертна.

Оглянулась — за мною дни,
Что дарили мне столько света.

И я
Сделать последний шаг
Не могу.
Но торопит время.
Утром меркнет моя звезда
И черта обернулась мгновеньем.

1983

СОРОК ПЕРВЫЙ ГОД

Города горят,
И леса горят.
По стране идет
Черным шагом
Враг.
Смертью смотрит
Глаз,
И рукой своей
Враг заносит меч
Над землей моей.
И закрыл крылом
Страшный ястреб
Свет.
И кричит земля:
— Мне покоя нет.
Отчего вы,
Люди,
Хуже зверей,
Убиваете даже
Малых детей? —

Города горят,
И леса горят,
По земле идет
Черным шагом
Враг.

1983

МЕЖДУГОРОДНЫЕ ЗВОНКИ

Междугородные звонки,
Вы с богом наперегонки.
Вокруг планеты —
Кто кого?
От криков лопнуло стекло,
Которое меж ним и мной.
Долой звонки,
Звонки долой.

Мы будем молча говорить,
Глаза — в глаза,
Чтоб сохранить
Больной от воплей
Шар земной.
Пусть он зашелестит травой,
И ветер закружит листвой
Над раненой моей землей.
...Мы будем молча говорить
О том,
Как детство не убить.

1983

ХОЧУ ДОБРА

Как часто
Я ловлю косые взгляды.
И колкие слова
Как стрелы
Вонзаются в меня.
Я вас прошу — послушайте!
Не надо
Губить во мне
Минуты
Детских снов.
Так невелик
Мой день,
Я так хочу добра
Всем,
И даже тем,
Кто целится
В меня.

1983

ГАДАНЬЕ

Гадают сейчас
На времени,
Карты ушли в историю.
Кому выпадает черная —
Бросают туда бомбу.
Не карты,
А люди раскинуты
На бедном
Земном шаре,
И каждый боится вытащить
Кровью залитые страны.

Как жаль, что
Я не гадалка,
Гадала бы
Только цветами
И радугой залечила
Земле нанесенные
Раны.

1983

* * *

Тяжелы мои стихи —
Камни в гору.
Донесу их до скалы,
До упору.
Упаду лицом в траву,
Слез не хватит.
Разорву свою строфу —
Стих заплачет.
Болью врежется в ладонь
Крапив*а*!
Превратится горечь дня
Вся в слова.

1981

ТАМ, ГДЕ ГРОХОЧЕТ ВОЙНА

Слепой ребенок
На куче хлама
Играл осколками стекла.
И в мертвых его глазах

Стояло солнце,
Не виданное им.
И блики мерцали
На колких стеклышках,
И пальцы, дрожа,
Перерывали мусор,
Думая, что это
Цветы,
Растущие под небом
Рая.
Слепой ребенок
Радовался утру,
Не зная
И не ведая, что ночь
Всегда стоит
За детскими
Его плечами.

1983

* * *

Мы говорим с тобой
На разных языках.
Все буквы те же,
А слова чужие.
Живем с тобой
На разных островах,
Хотя в одной квартире.

1983

* * *

Дождь, ночь, разбитое окно.
И осколки стекла
Застряли в воздухе,
Как листья,
Не подхваченные ветром.
Вдруг — звон...
Точно так же
Обрывается жизнь человека.

1981

ОДНОМУ СЛУШАТЕЛЮ

«Я вам почитаю стихи...»
В глазах недоверия
Черные точки.
И я убегаю,
Как раненый кочет
По тонкому,
Зыбкому льду.

1983

ОСТАНОВИСЬ НА МИГ

Зачем,
Когда придет пора,
Мы гоним детство со двора?
Зачем стараемся скорей
Перешагнуть ступени дней?
Спешим расти.

И годы все
Мы пробегаем,
Как во сне.
Остановись на миг!
Смотри,
Забыли мы поднять
С земли
Мечты об алых парусах,
О сказках,
Ждущих нас впотьмах.
Я по ступенькам,
Как по дням,
Сбегу к потерянным годам.
Я детство на руки возьму
И жизнь свою верну ему.

1983

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Ступеньки вверх,
Ступеньки вниз —
Кружится голова.
Ступеньки вверх,
Ступеньки вниз —
Как жизнь моя мала!
Но не хочу
Я верить в то,
Что смерть придет ко мне,
Что не увижу никогда
Я снега в январе,
Весной
Я не сорву цветов
И не сплету венок.

Прошу!
Не надо лишних слов,
А просто верьте в то,
Что утром снова день придет
И будете опять
Ступеньки вверх,
Ступеньки вниз,
Летя по ним, считать.

1981

* * *

За что
Мы бросаем
Сухие цветы
Прошедшими днями
На мостовую.
К киоску подходим
И тут же — другую
За рубль покупаем себе красоту.
Бросаем друзей.
Что было вчера,
Спешим позабыть —
Лишь бы не было больно,
И ненависть я
Выпускаю на волю —
Ловите кто хочет,
Она не моя.

1983

ДВОЙНИК

Может быть,
В завтрашнем дне,
В мире ином,
Приду на свиданье
Со своим двойником.
Он отраженье мое,
Невысказанные слова.
Он боль моя
И беда моя.
Слеза непросохшая на моей щеке —
Его слеза.
Его больные глаза —
Мои глаза.
Я вытащу зеркало,
Оно разбито мной.
Его отраженье
Осталось во мне самой.

1983

* * *

Уезжаю, уезжаю
Я от шума городского,
И за окнами вагона
Пробегают тополя,
Расстаются только в книгах,
Я же встречи ожидаю,
Даже если мне вернуться
Не придется никогда.

1983

* * *

Вы — поводырь,
А я — слепой старик.
Вы — проводник.
Я — еду без билета.
И мой вопрос
Остался без ответа,
И втоптан в землю
Прах друзей моих.
Вы — глас людской.
Я — позабытый стих.

1983

* * *

Информация человечества
Собирается в слове
«Вечность».
Вечен свет,
Если ночь его
Не убьет.
Вечен мир,
Если смертью
Не разорвет
Шар земной.
Он прозрачен
И чист,
Как январский снег...

Пожалей его,
Человек.
Пожалей свой дом,

Он частичка твоя,
Сын твой там
Или дочь —
Это тоже земля.

Информация человечества
Обрывается только
Вечностью.

1983

* * *

Благослови меня, строка,
Благослови мечом и раной.
Я упаду,
Но тут же
Встану.
Благослови меня,
Строка.

1983

* * *

Как трудно стало
Мне писать,
По сердцу
Барабанят дробью
Слова,
Кому мне их сказать?
Птенцом
Попала я в неволю.
И клетка
Очень хороша,

Вода и корм —
Всего там вдоволь.
Но ключ от моего ларца
Семью печатями окован.
Хозяин мой
Бывает добр,
И дверцу
На ночь открывает,
Но сторожем
Он оставляет
Тьму
За невымытым окном.

1983

НУЛИ

Я научусь считать до 10, 30, 100,
И еще очень много нулей...
А что будет потом?
Я останусь маленькой
И шепотом расскажу
Маме сказку
О Красной Шапочке
И о том,
Что бывает страшно
Не только ночью,
Но и днем,
Потому, что я боюсь цифр,
В которых много нулей.
Они так похожи
На пасти жутких
Диких зверей.

1982

СОЛОВЕЙ

Заслоню плечом тяжесть дня
И оставлю вам соловья.
И оставлю вам только ночь,
Чем могу я еще помочь?
А хотите, я сердце отдам —
Пусть судьба моя пополам.
Даже время умрет до утра,
Но проспали вы соловья.
Торопясь, вместо сердца
Вы взяли часы.
День пришел,
Слышишь, ночь, ты его не ищи.

1983

ТРИ ТЮЛЬПАНА

Е. Камбуровой

Три кровавые слезы,
Три тюльпана.
Молча женщина сидит.
От дурмана
Закружилась голова,
Сжалось сердце.
Три тюльпана
Получила ты в наследство.
Только ветер прошумел:
«Быть им ложью!»
Но глаза твои кричат:
«Быть не может!»

Три тюльпана, три слезы
Облетели.
Молча женщина сидит,
Им не веря.

1983

* * *

Я ночь люблю за одиночество,
Когда с собой наедине
Я говорю о том,
Что хочется
И что не хочется судьбе.
Могу я думать о несбыточном,
О том,
Что ночи нет конца.
И можно верить
В дни счастливые,
И плакать можно без конца.
Не надо слушать слов укора.
И глаз тревожных острие
Не надо прикрывать рукою,
Когда становится темно.

1982

* * *

Не пишутся мои стихи,
Ни слова и ни строчки.
Разбросаны, как городки,
Все запятые, точки.

И день закончился без снов.
И ночь пройдет в потемках.
Ушли стихи, как тает лед
От солнца на пригорке.

Но трудно мне дышать без слов —
Все улицы узки.
Искать я пробую слова —
Дороги коротки.

Все перепутаны пути,
Дождями рифмы смыты.
И даже буквы в букваре
Все мною позабыты.

Не пишутся мои стихи,
Нет больше боли и тоски.

1981

ВОЗВРАЩЕНЬЕ

Каблучки по ступенькам,
В дверь звонок.
Ты стоишь —
За плечами взмах волос.
И распахнуты руки,
Как разорвана ночь.
Я не верю в разлуку,
Все слезы прочь.
Но ты смотришь
С тревогой,
Снова дни пролистав.
По железной дороге
Не вернулся состав.

Ты осталась
В том доме,
Где чужие углы.
Где все лица в разломе,
Где молчанье
Как крик.
И уколешься взглядом
О чужие слова.
Лифт захлопнется рядом,
Ты ему не нужна...
Этажи бесконечны,
И в проеме окон
Будет лиц бессердечье,
Как церковный звон.

1982

УРОНИЛА В РУКИ ВОЛОСЫ

Уронила в руки волосы —
Как пшеничная вода.
А напьешься —
Вмиг накатится
Серебристая волна.
Время горького дыханье
Подступило, не унять.
Как трава еще не вялая,
Только стоит ли срывать?
Завтра по утру оглянешься —
Вышел год.
Уронила в руки волосы —
Твой черед.

1983

* * *

Как больно, помогите,
В глазах беда.
Но годы-паутинки
Растают без следа.
Рукой не обопрешься —
Душа пуста.
По волчьим тропам бродит
Моя звезда.

1983

Я ДОМ УБЕРУ

Я дом уберу
И мебель поставлю
В пустые углы.
Вымою пол,
Почищу ковры
И сяду.
За стеклами
Дождик запляшет,
И день одиночеством
Страшным накажет.
Как хочется мне
Обойти стороной
Калитку, и сад,
И цветущий левкой.
Но каждое утро
Я день начинаю
В том доме,
И пыль вытираю,
И окна от ветра
Закрою.

1983

КОСУ ЗАПЛЕТИ ТУГУЮ

Косу заплети тугую,
Улицей пройди
И услышишь
За собою
Гулкие шаги.
Это — время,
Что хотела
Ты забыть.
Не надейся,
Этой встрече
Непременно быть.
И ты знаешь,
Расплатиться
Ты должна
За слова,
Что были сказаны
Тогда.
Веришь,
Время перепутает пути,
И поэтому
Ты
Косу не плети.

1983

* * *

Убаюкайте меня, укачайте
И укройте потеплей одеялом.
Колыбельной песней обманите,
Сны свои мне утром подарите.
Дни с картинками,

Где солнце голубее льда,
Под подушку утром положите.
Но не ждите, слышите,
Не ждите,
Детство убежало от меня.

1982

* * *

Душа-невидимка,
Где ты живешь?
Твой маленький домик,
Наверно, хорош?
Ты бродишь по городу,
Бродишь одна,
Душа-невидимка,
Ты мне не видна.

1983

НОВОСТИ ДНЯ

Я жду,
Когда кто-нибудь
Спросит меня,
Что видела, виделась с кем,
Где была.
Тогда я открою альбом новостей,
Вам хочется новых
Услышать вестей?
Кто умер, уехал,
Остался один...

А можно,
Мы просто
Чуть-чуть помолчим?
Увидим последний
Трамвай за окном...
Я очень люблю засыпающий дом.
И пылью покроются
Новости дня.
И я понимаю —
Не ждали меня.

1983

* * *

Каждый человек
Ищет свой путь.
Но все равно
Попадает на ту дорогу,
По краям которой
Стоят жизнь и смерть.
Я бы дольше
Хотела идти
По той стороне,
Где не заходит солнце.
Но за днем
Всегда наступает ночь,
Поэтому
Я ищу тропинки.

1983

ДОМ ПАСТЕРНАКА

Сад, терраса.
На ступенях
Желтый лист.
Окна смотрят
В темноту.
Слышен лишь
Тайный голос.
Он по клавишам
Бродил
Всю ночь.
Голос этот
Так хотел помочь.
Время прошлое
И новое
Собрать у старых
Стен.
Только этот дом
Не любит перемен.
Ночь уйдет.
А утром клавиши молчат.
Только голоса
В душе кричат.

1983

БАБУШКЕ

Я печаль твою развею,
Соберу букет цветов.
Постараюсь, как сумею,
Написать немного слов
О рассвете ранне-синем,
О весеннем соловье.

Я печаль твою развею,
Только непонятно мне,
Почему, оставшись дома,
Сердце болью защемит.
От стены и до порога
Путь тревогою разбит.
И букет цветов завянет —
В доме не живут цветы.
Я печаль твою развею,
Станешь счастлива ли ты?

1982

ФОКУСНИК

А. Акопяну

Поднимите пальцы-нервы,
Превратите гроздь рябины
В брызги моря,
Что шумело за окном,
Тревожно вторя
Вечной тайне сна и были.
Превратите листьев стаю
В дерзкий клекот журавлиный.
Раскачайте на качелях
Ветер,
Превращенный в иней.
Помогите мне запомнить
Все раздумья и сомненья.
Дайте руку!
Я хотела б
Сердца ощутить биенье.

1982

* * *

Срубленные рифмы,
Срубленные фразы,
Срублены деревья —
Повалили лес.
Стон стоит,
Отчаянно
В плаче рвутся ветви.
Но и мало этого —
Листья подожгли!
Не пишитесь, строки,
Иль пишитесь в небе.
Ведь бумага кровью
Вся обагрена.

1983

ОДНОЙ ИЗ ЖЕНЩИН

В шесть сорок
Отбудет поезд.
В шесть сорок
Наступит расплата
За то, что
Забыла вернуться,
Что смех у тебя
На лице.
Ты выйдешь на станцию.
Тихо.
Твой поезд
Ушел на рассвете.
Не надо
Придумывать фразы,
Чтоб время простило тебя.

Ты просто забыла о дате,
Уходит нескорый поезд.
В шесть сорок
Приедет любимый,
Но это было вчера.

1983

РАНЕНАЯ ПТИЦА

Пожалейте меня, отпустите.
Крылья раненые не вяжите,
Я уже не лечу.
Голос мой оборвался болью,
Голос мой превратился в рану.
Я уже не кричу.
Помогите мне, подождите!
Осень.
Птицы летят на юг.
Только сердце сожмется страхом,
Одиночество — смерти друг.

1983

ДЕНЬ ЗАЧЕРКНУТ

День зачеркнут.
Все страницы
Будут собраны в сомненья.
День зачеркнут.
Отзовитесь
Все, кто канули в неверье,
Все, кто дымкой запоздалой
Были от меня укрыты.

Отзовитесь!
Слышен еле
Поезда гудок охриплый.
Все дороги словом смыты,
Перепутаны тропинки.
Отзовитесь, дни былые,
Что звенели звонью зыбкой.
Только ветер странно воет,
Перекрестки все сметая.
Я сама страниц сомненья
Зачеркну, не понимая.

1982

МАМЕ

Мне не хватает
Нежности твоей,
Как умирающей
Птице воздуха.
Мне не хватает
Тревожного дрожанья
Губ твоих.
Когда одиноко мне,
Не хватает смешинок
В твоих глазах,
Они плачут,
Смотря на меня.
Почему в этом мире
Такая черная боль?
Наверное, оттого,
Что ты одна.

1981

* * *

Друзей ищу,
Я растеряла их.
Слова ищу —
Они ушли с друзьями.
Я дни ищу...
Как быстро убегали
Они вослед
Идущим от меня!

1982

ЛИЦА

Бывают такие лица,
В которых даже за полночь
В глазах остаются блики
От восходящего солнца.
Шагаю дорогой пыльной,
Гудят усталые ноги.
Но верю я в эти лица,
И делают их не боги.

1983

ВОСПОМИНАНЬЕ

Я хочу с тобой одной
Посидеть у дома старого,
Дом стоит тот над рекой,
Что зовут воспоминаньем.
След ноги твоей босой

Пахнет солнцем
Лета прошлого.
Где бродили мы с тобой
По траве, еще не кошенной.
Голубели небеса,
Исчезая за околицей,
И звенели голоса,
Вот и все,
Что мне запомнилось.
И отсчет всех дней
Подошел к концу.
Стаей птиц
Все дни
Собрались у ног.
Покормить их чем?
Не осталось строк...

1981

ГОЛОС

По аллеям парка
Шариком хрустальным
Голос твой звенящий
Обогнал меня.

Пробежал по крышам,
Пробежал по листьям,
В шорохе осеннем
Музыку поймал.

Вдруг остановился
Возле той скамейки,
Где стоял разбитый
Уличный фонарь.

Шарик твой хрустальный
Заискрился смехом.
И фонарь разбитый
Вдруг светиться стал.

1981

* * *

Не слушайте уличных фонарей —
Они укладывают спать.
Забудьте грусть.
Наступит час,
Когда уйдет беда, печаль
И звезды позовут к себе.
Не слушайте уличных фонарей —
Они укладывают спать.

1981

УЛИЦА

Убегает улица
Вверх.
И поймать ее — просто
Смех.
Побегу я за ней
Вдаль.
Оглянусь вдруг назад —
Жаль.
Жаль оставленный мной
Дом,
Маму, плачущую за окном.

Плеск волны у меня
За спиной,
Лай собаки, бегущей
За мной.
Убегай-ка, улица,
Ты одна.
Ведь тебе-то
Я не нужна.

1980

ЛОЖЬ

«Ты нам нахально лжешь», —
Все говорят вокруг.
Но врут они,
Не ведая, не зная,
Что ложь моя
Сложилась из трамвая,
Который вдруг
Увез меня в страну,
Неведомую вам,
Увез из шороха намокнувшей листвы,
Которая дрожит тревожно
На тонком дереве у дома.
Из лиц,
Которые порой
Бывают одиноки страшно.
Из речки,
Вдруг разбуженной,
Потоком гремящих вод.
Из маленькой девчонки,
Которая все не находит дома.

Из веры, что порой
Для многих
Пахнет ложью.

1981

* * *

По гулким лестницам
Я поднимаюсь к дому,
Как ключ тяжел,
Я дверь им отопру.
Так страшно,
Но иду безвольно
И попадаю сразу в темноту.
Включаю свет,
Но вместо света лижет
Меня огонь,
Палящий и живой.
Я отраженья в зеркале
Не вижу —
Подернуто оно
Печальной пеленой.
Окно хочу открыть —
Стекло, смеясь
И холодом звеня,
Отбрасывает
В сторону меня.
И я кричу,
От боли сводит щеки,
Слеза бежит
Сквозь сонные глаза.

И слышу шепот,
Тихий мамин шепот:
«Проснись, родная,
Не пугайся зря».

1983

ДЕНЬ РОЖДЕНЬЯ

Нечаянно я забыла
День рожденья своего.
А может быть, нарочно не хочу
Я часовую стрелку повернуть
Обратно в детство.
Боюсь я потерять
Ту тайну жизни,
Что бережно мне
Отдавали люди,
Забыв себя...

Сломав цветок,
Не вырастишь его.
Убив ручей,
Воды ты не напьешься,
Я семь ступеней
Жизни прохожу,
Но не могу понять,
Которая из них —
Мой день рожденья.

1981

НЕ Я ПИШУ СВОИ СТИХИ?

Не я пишу свои стихи?
Ну хорошо, не я.
Не я кричу, что нет строки?
Не я.
Не я боюсь дремучих снов?
Не я.
Не я кидаюсь в бездну слов?
Ну хорошо, не я.

Вы просыпаетесь во тьме,
И нету сил кричать.
И нету слов...
Нет, есть слова!
Возьмите-ка тетрадь
И напишите вы о том,
Что видели во сне,
Что стало больно и светло,
Пишите о себе.
Тогда поверю вам, друзья,
Мои стихи пишу не я.

1982

* * *

Я играю на рояле.
Пальцы эхом пробежали,
Им от музыки тревожно,
Больно и светло.
Я играю на рояле,
Слов не знаю,
Нот не знаю,

Только странно
Мне от звука,
Что наполнил дом.
Он распахивает окна,
В вихре закружил деревья.
Перепутал
Утро с ночью
Этот тайный звук.
Я играю на рояле,
Пальцы тихо замирают.
Это музыка вселенной —
Тесен ей мой дом.

1983

* * *

Так день далек,
Как ночь,
Когда гроза.
Когда глаза
Не могут видеть
Капелек дождя,
Но ловят их
Губами
У порога дома.
Как руки,
Которые не могут
В темноте найти стены
И натыкаются на двери в день,
Который так далек...

1982

* * *

Вы умеете пальцами слушать дождь?
Это просто!
Дотроньтесь рукой до коры дерева,
И она задрожит под вашими пальцами,
Как мокрый конь.
Дотроньтесь рукой
До оконного стекла ночью.
Вы слышите?
Оно боится дождя,
Но оно должно охранять меня
От мокрых капель,
Я поглажу капли пальцами
Через стекло.
Дождь!
Дверь!
Послушай, дверь,
Отпусти меня!
Улица полна звона ручьев.
Я хочу пальцами услышать дождь,
Чтобы потом написать музыку.

1981

МАМЕ

Я надеюсь на тебя.
Запиши все мои строчки.
А не то наступит точно
Ночь без сна.
Собери мои страницы
В толстую тетрадь.

Я потом
Их постараюсь разобрать.
Только, слышишь,
Не бросай меня одну.
Превратятся
Все стихи мои в беду.

1983

КАЛЕЙДОСКОП

Антону Ежову

Ребенок взял калейдоскоп
Глазок в глазок, и вмиг
Рассыпался
Весь безголосый мир
На разноцветный крик.
Он строит
Замки для царевен,
Зеленую луну.
Разрисовал
Весь шар земной
Оранжевой травой.
Смотри, малыш,
В твоих руках
Не только семь цветов,
Планета —
Дней калейдоскоп.
Твой взгляд —
Ее лицо.

1983

* * *

М. Луговской

Вы проходите по ночи.
Сосны гулко зашептали:
«Не вернуть назад столетья
И секунду не вернуть.
Все часы замолкли разом,
Колокол гудит набатом,
Вырывается из сердца
Поминальный стон.
Подождите, не спешите,
Руку ветру протяните,
Время не для Вас.
У скалы живое сердце.
Бьется маяком надежды,
Этот свет неугасимый
Охраняет Вас».

1983

ДОМ ПОД КАШТАНОМ

Ю. Семенову

На пыльной дороге
Изранены ноги.
Путник бредет
По пыльной дороге.
Под солнцем палящим
Вперед, и вперед, и вперед.
Рука одинока,
Подернуты болью глаза,

Слеза ли от горя,
Иль просто от ветра слеза.
Но знаю,
За морем,
В неведомом, тайном краю,
Есть дом под каштаном,
Я к этому дому иду.

1983

* * *

Я тороплюсь скорей туда,
Где ждет
Меня король.
Прошло три года
И три дня,
На сердце его боль.
И я вернулась,
А ключи
Уже не к тем замкам.
И дверь
Закрыта на засов,
И милого нет там.
Холодный ветер
В спину дул,
И слезы жгли лицо.
Он ждал три года.
Я пришла,
Забыв его лицо.

1983

Я ОБМАНУЛА ВАС

Я обманула Вас,
Что миг бывает вечность.
Что с перелетом птиц
Кончается тепло.
И позабыты мной давно
Ночей волшебных заклинанья,
Что радость так близка —
Дотронешься случайно,
Ладонь твоя
Поднимет шар земной.
Я обманула Вас?
Нет!
Подарила тайну,
Которая известна
Мне одной.

1983

* * *

Я закрываю день ресницами,
Но почему-то мне не спится.
Я думаю о дне ушедшем,
Но не дошедшем
До встречи с ночью.
Об улицах, замученных людьми,
О фонарях,
Которые светить устали.
О доме том,
В котором я не сплю,
Но сон тревожной серой птицей
Подлетает вдруг ко мне

И захлопнул мне ресницы
На заре.
Просыпайся ты, малышка,
В утро-рань
И увидишь — отдохнул
Твой фонарь.
Смех заполнил перекрестки дорог,
И до вечера день далек.

1981

* * *

Птицы
Только парами
На юг летят.
Одиночкам
Крылья подрезают
Или просто молча убивают.
И тревожно
Протрубит вожак.
Ты живым
Остаться хочешь, милый,
Прячешь клюв
Под белое крыло.
Осень ветром
Хмурым закружила,
А тебе
Так хочется
В тепло.

1983

* * *

Лица уходят из памяти,
Как прошлогодние листья.
Осень оставила только
Утра хмурого привкус.
Лица уходят, но изредка
К сердцу подходит холод.
Вспомнятся желтые листья.
Это как встреча с болью,
Это как встреча с прошлым,
С чьим-то портретом разбитым.
Горько от настоящего,
Страшно жить позабытым.

1983

* * *

О, как мы редко
Говорим друг другу
Надежные и нужные слова!
Поэтому найти
Так трудно друга,
Поэтому одна.

Так хочется
Дарить цветы —
Считаю потно мелочь.
Как хочется
Поджечь мосты
И позабыть,
Что надо делать.

1983

ЛОШАДИ В ПОЛЕ

Лошади в поле,
Трава высока.
Лошади в поле
Под утренним светом.
Быстро росинки бегут до рассвета,
Надо успеть напоить всю траву.
Лошади в поле,
Цокот копыт.
Тихое ржанье,
Шуршанье поводьев.
Солнце, как шар,
Отплыв от земли,
Теплые пальцы
К гривам подносит.
Лошади с поля уйдут,
Но до ночи
В травах примятых
Останутся точки
От конских копыт.

1981

* * *

В. И. Николаевой

Я поверила взгляду,
И не нужны слова.
Я поверила сразу,
Что бывает слеза
Солоней боли черной,
Слаще детского сна.

Загорится вполнеба
Голубая звезда.
Не держите в ладонях
Мотылька на огне.
Превратится в бессмертье
Жизнь его
На заре.

1983

* * *

Я — полынь-трава,
Горечь на губах,
Горечь на словах,
Я — полынь-трава.

И над степью стон
Ветром оглушен.
Тонок стебелек —
Переломлен он.

Болью рождена
Горькая слеза.
В землю упадет...
Я — полынь-трава.

1982

* * *

Я трамваем не поеду,
Осень рельсы заметает.
Я останусь просто дома
У раскрытого окна.

Соберу в ладони звуки,
Как туманы собирают
Утром дворники в корзины,
Поторапливая день.
Ветер листьями закружит,
Не спуститься по ступенькам.
И захлопнется окошко,
Битым зазвеня стеклом.
Я трамваем не поеду,
Звуки осень обгоняют.
Я останусь просто дома
У разбитого окна.

1983

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ СЛЕЗИНОК

Четырнадцать слезинок
На твоей щеке.
Четырнадцать дождинок
На мокром стекле.
Уедешь, не приедешь —
Гадай, не гадай,
Ты повернешься к двери,
Прощай!
Прощайте, ожиданья,
Не разомкнуть нам рук.
Я не люблю прощанья,
Тревоги круг.
И будет боль от встречи,
Которой не бывать.
Четырнадцать слезинок
Не стоит забывать.

1982

* * *

Утром, вечером и днем
Думай только лишь о том,
Что на город ночь садится,
Словно филин за окном.
Утром, вечером и днем
Ночь тихонько входит в двери,
Ноги вытерев у входа,
Будто опасаясь встретить
Лучик дня,
Который прыгал
Час назад по одеялу.
Утром, вечером и днем
Думай только лишь о том,
Как ночами страшно воет
Ветер, что живет в трубе.
Как врывается он в окна,
С криком разбивая ставни,
Листья желтые прилипнут
К мокрому от слез стеклу.
Не люблю я ночью думать
О тревожных, страшных сказках,
Буду лучше засыпать я
Утром, вечером и днем.

1981

* * *

Я затеряюсь в тумане,
Как маленькая звездочка
В небе.
Я затеряюсь в тумане,

И нет до меня
Никому дела.
Но я иду вперед
Потому,
Что верю в свою дорогу,
Она непременно
Меня приведет к морю.
Там сходятся все пути,
И горькие,
И по которым легко идти.
И я отдам
Морю свою звезду,
Которую бережно
Несу в ладонях.
Это — мое будущее,
Но оно такое большое...
Мне его трудно
Одной нести.

1983

* * *

Я год хочу прожить
Как миг,
Хочу я время
Превратить в минуту.
Хочу, хочу, хочу!
Но почему я вижу
В страхе вскинутые руки?
Я не хочу
Так быстро жить!
Кричит планета, задыхаясь.
Мой долог век,

И я стараюсь
Добро творить.
О, люди!
Я прошу забыть вражду
И помнить радость встречи,
Пусть реки зашумят
Прозрачною водой,
И добрый дождь пройдет
Пусть здесь,
Не стороной.
А миг?
Пусть будет
Миг рожденья,
А не смерти.
1983

ТРИ АПЕЛЬСИНА

...Три апельсина
В синей косынке
Я принесу домой.
А город пахнет
Бензином и холодом,
Дую на пальцы,
И вдруг
Три апельсина на мостовую —
Солнечный круг.
Ноги, колеса,
Коляски по слякоти...
Только горят
Три апельсина
На синей косынке,
Небо и сад.
1983

КУКЛА

Я как сломанная кукла.
В грудь забыли
Вставить сердце.
И оставили ненужной
В сумрачном углу.
Я как сломанная кукла,
Только слышу, мне под утро
Тихо сон шепнул:
«Спи, родная, долго, долго.
Годы пролетят,
А когда проснешься,
Люди снова захотят
Взять на руки,
Убаюкать, просто поиграть,
И забьется твое сердце...»
Только страшно ждать.

1983

* * *

Л. Загудаевой

Не спится мне,
И времени не спится,
И тяжесть дня
Не даст
Сомкнуть ресницы.
Но непослушен,
Как он непослушен,
Мой проводник
По сумрачным лесам.

— Не спорь,
Устала ты, —
Я слышу тихий шепот. —
Не бойся ничего,
Иди за мной.
Там дивные сады
И вечный день,
И дождь совсем
Не колкий.
Там целый год
На новогодней елке
Подарки дарит
Детям Дед Мороз.
И не уколется
Душа твоя
О лица злые,
Увидишь бал цветов,
Он будет для тебя.
Я это счастье
Не дарю другому.
И будет вечен сон,
Так лучше для тебя. —
Не спится мне...
Пусть лучше
Мне не спится!

1983

СОДЕРЖАНИЕ

Восьмилетний поэт. *Евг. Евтушенко* 3
«Жизнь моя — черновик...» 11
Кто я? 12
«Я стою у черты...» 12
Сорок первый год 13
Междугородные звонки 14
Хочу добра 15
Гаданье 15
«Тяжелы мои стихи...» 16
Там, где грохочет война 16
«Мы говорим с тобой на разных языках...» 17
«Дождь, ночь, разбитое окно...» 18
Одному слушателю 18
Остановись на миг 18
Смысл жизни 19
«За что мы бросаем сухие цветы...» 20
Двойник 21
«Уезжаю, уезжаю...» 21
«Вы — поводырь, а я — слепой старик...» 22
«Информация человечества...» 22
«Благослови меня, строка...» 23
«Как трудно стало мне писать...» 23
Нули 24
Соловей 25
Три тюльпана 25
«Я ночь люблю за одиночество...» 26
«Не пишутся мои стихи...» 26
Возвращенье 27
Уронила в руки волосы 28
«Как больно, помогите...» 29
Я дом уберу 29
Косу заплети тугую 30
«Убаюкайте меня, укачайте...» 30

«Душа-невидимка, где ты живешь?..» 31
Новости дня 31
«Каждый человек ищет свои путь...» 32
Дом Пастернака 33
Бабушке 33
Фокусник 34
«Срубленные рифмы, срубленные фразы...» 35
Одной из женщин 35
Раненая птица 36
День зачеркнут 36
Маме 37
«Друзей ищу, я растеряла их...» 38
Лица 38
Воспоминанье 38
Голос 39
«Не слушайте уличных фонарей...» 40
Улица 40
Ложь 41
«По гулким лестницам...» 42
День рожденья 43
Не я пишу свои стихи? 44
«Я играю на рояле...» 44
«Так день далек...» 45
«Вы умеете пальцами слушать дождь?..» 46
Маме 46
Калейдоскоп 47
«Вы проходите по ночи...» 48
Дом под каштаном 48
«Я тороплюсь скорей туда...» 49
Я обманула Вас 50
«Я закрываю день ресницами...» 50
«Птицы только парами на юг летят...» 51
«Лица уходят из памяти...» 52
«О, как мы редко говорим друг другу...» 52
Лошади в поле 53

«Я поверила взгляду...» 53
«Я — полынь-трава...» 54
«Я трамваем не поеду...» 54
Четырнадцать слезинок 55
«Утром, вечером и днем...» 56
«Я затеряюсь в тумане...» 56
«Я год хочу прожить как миг...» 57
Три апельсина 58
Кукла 59
«Не спится мне...» 59

Турбина Н. Г.

Т 86 Черновик: Первая книга стихов / Предисл. Евг. Евтушенко. — М.: Мол. гвардия, 1984. — 63 с.

25 к. 30 000 экз.

Стихи девятилетней школьницы Ники Турбиной, известные по публикации в «Комсомольской правде», вызвали большой читательский интерес Во вступительном слове Е. Евтушенко отмечает бесспорную одаренность юной поэтессы.

Т $\frac{4804000000-314}{078(02)-84}$ 237—85

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 4313

Ника Георгиевна Турбина
ЧЕРНОВИК

Редактор **Л. Еременко**
Художник **А. Романова**
Художественный редактор **Т. Погудина**
Технический редактор **Н. Носова**
Корректоры **Е. Дмитриева, И. Ларина**

Сдано в набор 15.05.84. Подписано в печать 11.11.84. А08226. Формат 70Х108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 2,8. Усл. кр.-отт. 3,06. Учетно-изд. л. 2,4. Тираж 30 000 экз. Цена 25 коп. Зак. 643

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30. Сущевская, 21.

25 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ